

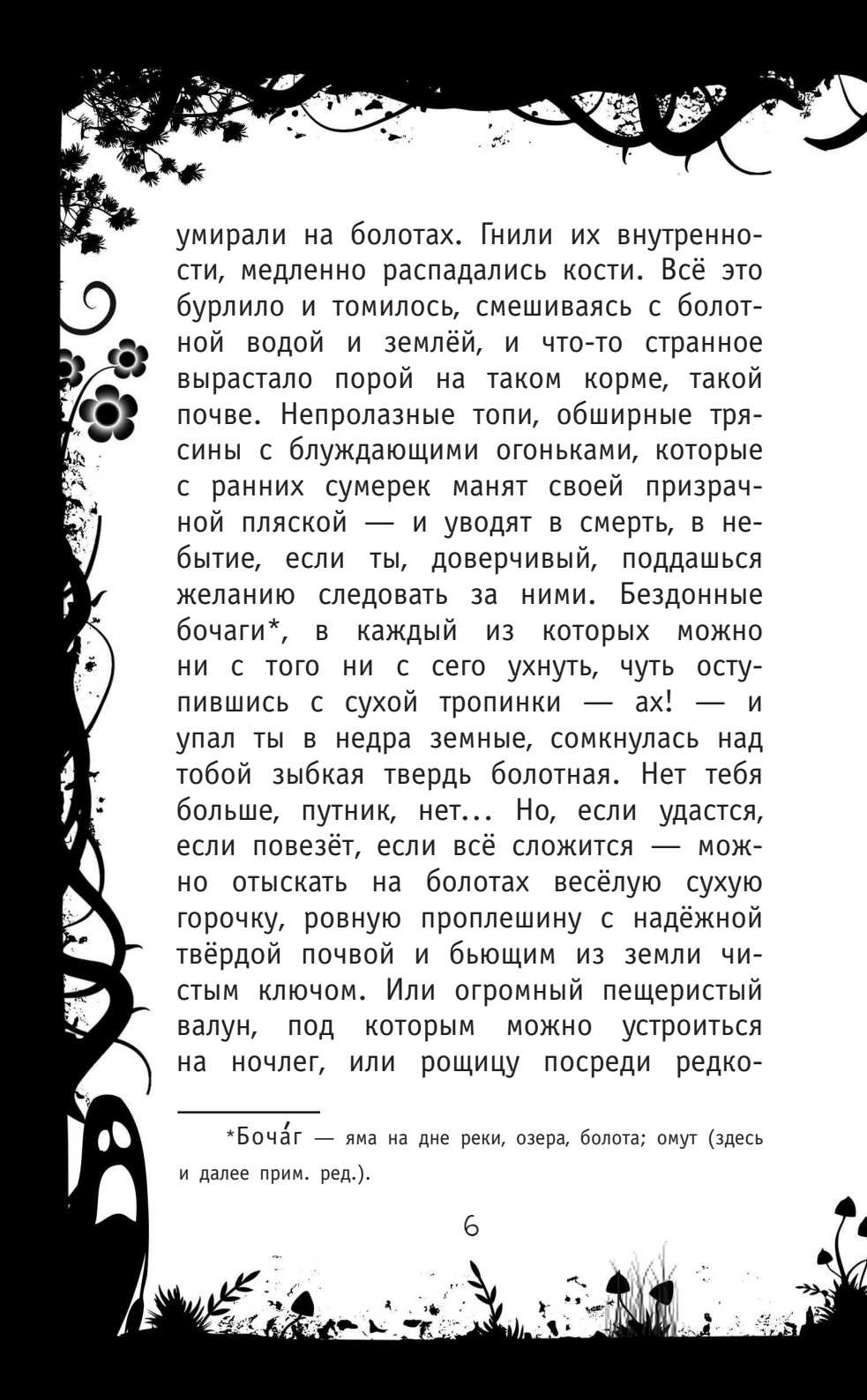

Пролог

Болота. С чёрной торфяной водой; с покрытой ржавой плёнкой водой железистой; с водой зелёной, протухшей, или с густой, тягучей и бурой водой из-за гниющих в ней древесных стволов. Меняется вокруг них жизнь, леса вытесняются полями и человеческими жилищами. Брошенные, эти поля и жилища ветшают, зарастают бурьяном, постепенно их снова покрывают леса. И только болота тысячами сохраняются в своём неизменном виде. Их пытаются осушать, но болота упорнее и сильнее, чем те, кто ведёт борьбу с ними, поэтому чаще всего люди предпочитают не связываться. И обходить болота стороной...

Миллионы лет назад деревья точно так же падали в стоячие воды, падали и разлагались, кормили собой, устилали собой дно и создавали обманную болотную зыбкость; миллиарды зверей и птиц за эти миллионы лет рождались и

умирали на болотах. Гнили их внутренности, медленно распадались кости. Всё это бурлило и томилось, смешиваясь с болотной водой и землёй, и что-то странное выросло порой на таком корме, такой почве. Непролазные топи, обширные трясины с блуждающими огоньками, которые с ранних сумерек манят своей призрачной пляской — и уводят в смерть, в небытие, если ты, доверчивый, поддашься желанию следовать за ними. Бездонные бочаги*, в каждый из которых можно ни с того ни с сего ухнуть, чуть оступившись с сухой тропинки — ах! — и упал ты в недра земные, сомкнулась над тобой зыбкая твердь болотная. Нет тебя больше, путник, нет... Но, если удастся, если повезёт, если всё сложится — можно отыскать на болотах весёлую сухую горочку, ровную проплешину с надёжной твёрдой почвой и бьющим из земли чистым ключом. Или огромный пещеристый валун, под которым можно устроиться на ночлег, или рожицу посреди редко-

---

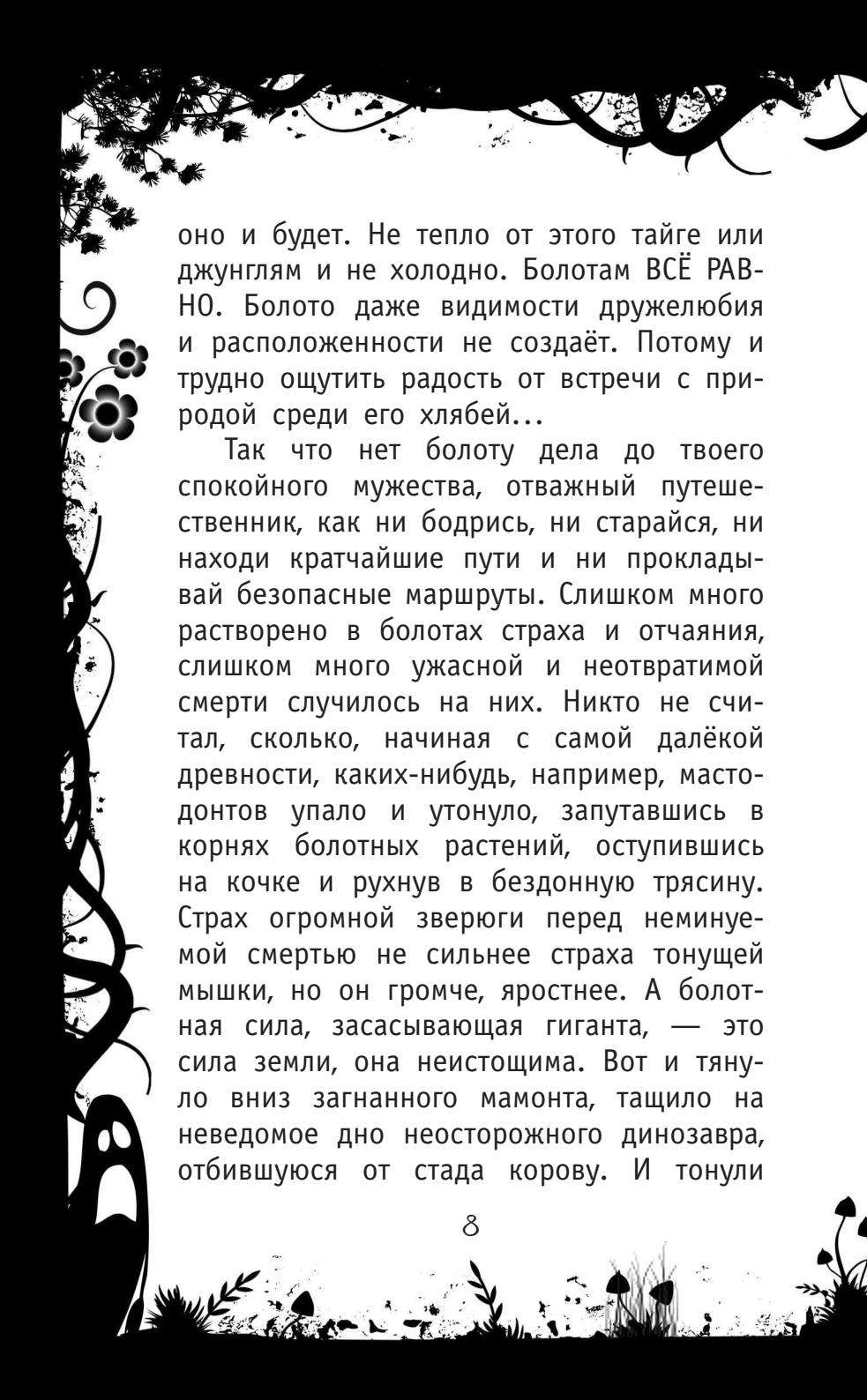
*Боча́г — яма на дне реки, озера, болота; омут (здесь и далее прим. ред.).

лесной болотной мари, клюквенную или брусничную поляну — всё это родилось и живёт на болотах. Иди, путник, иди, не вреди. И живи — если сможешь.

Какие законы правят этим зыбким таинственным миром? Как везде? Сильный пожирает слабого, шустрый — раззяву, тяжёлый давит лёгкого, а крупный — мелкого? Они странные, болотные жители, их много разных — таких, каких просит воображение, но не замечал ещё глаз. Не верится, что подобные существуют — но есть они, хотелось бы того людям или нет. Такая птица вдруг поднимается с болот, такой зверь пришлёпывает со своих диких топей — что поди разбери человек: примерещилось это, или на самом деле древняя неведомая тварь на глаза явилась?

Всё другим становится на болотах. Вот и жители болотные не злые, не добрые, не полезные и не вредные. Они — другие. И иначе никак. До людей болотам нет дела — нет дела, как, по большому счёту, и всему остальному миру, будь то лес или морская пучина. Кто убедит себя, что его любит океан, что ему везёт в джунглях или что тайга — его второй дом, — так пусть

оно и будет. Не тепло от этого тайге или джунглям и не холодно. Болотам ВСЁ РАВНО. Болото даже видимости дружелюбия и расположенности не создаёт. Потому и трудно ощутить радость от встречи с природой среди его хлябей...

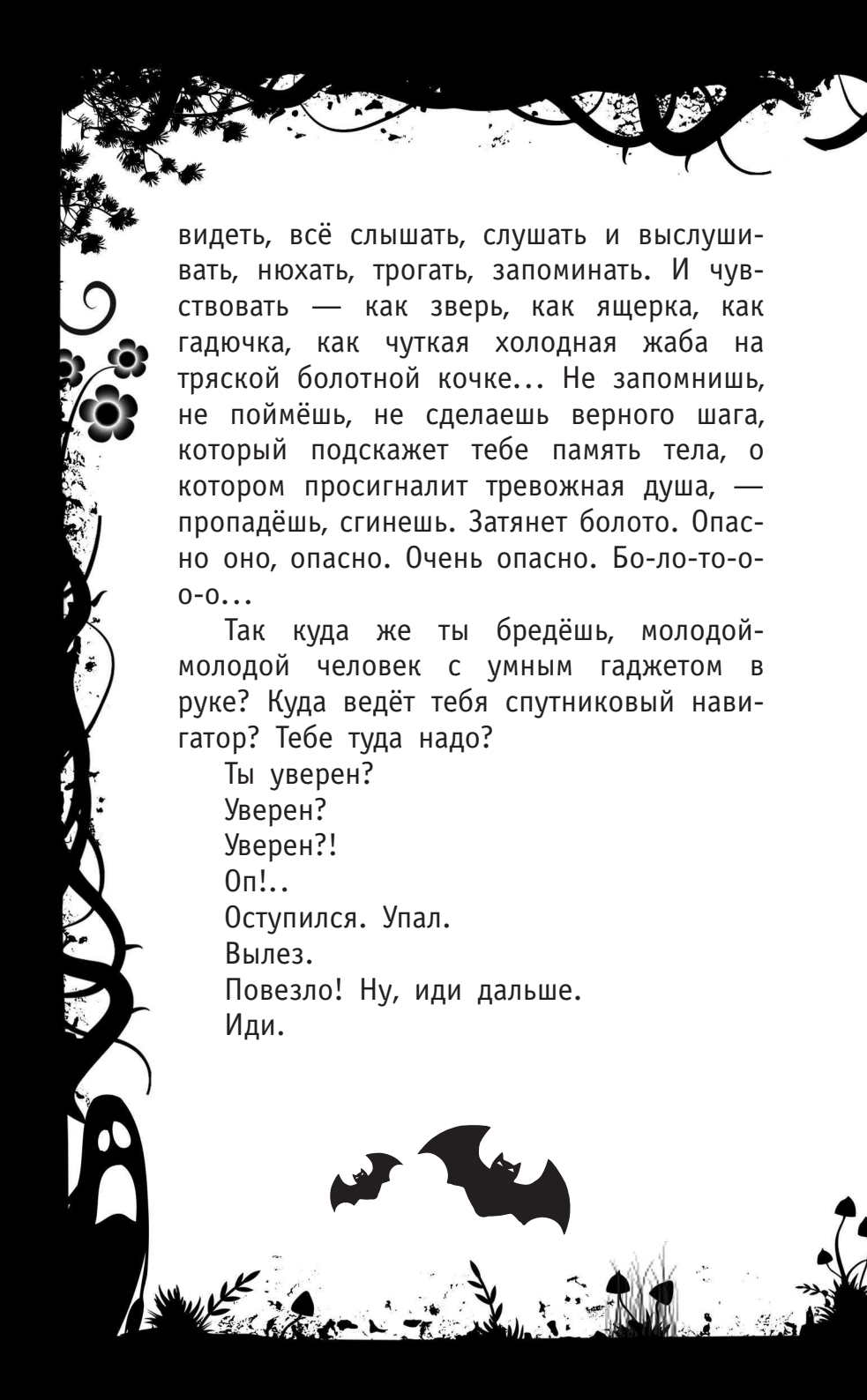
Так что нет болоту дела до твоего спокойного мужества, отважный путешественник, как ни бодрись, ни старайся, ни находи кратчайшие пути и ни прокладывай безопасные маршруты. Слишком много растворено в болотах страха и отчаяния, слишком много ужасной и неотвратимой смерти случилось на них. Никто не считал, сколько, начиная с самой далёкой древности, каких-нибудь, например, мастодонтов упало и утонуло, запутавшись в корнях болотных растений, оступившись на кочке и рухнув в бездонную трясины. Страх огромной зверюги перед неминуемой смертью не сильнее страха тонущей мышки, но он громче, яростнее. А болотная сила, засасывающая гиганта, — это сила земли, она неистоцима. Вот и тянуло вниз загнанного мамонта, тащило на неведомое дно неосторожного динозавра, отбившуюся от стада корову. И тонули

они с вытаращенными от предчувствия близкой смерти глазами, гребли ногами, мотали головами — боролись за жизнь, ревели, наполняя своим ужасом пространство. Но топь неотвратно затягивала их. Гиганты ещё видели свет, ещё могли дышать — и понимать не хотели, что им уже не выбраться. В конце концов замирал их крик, заливала глаза болотная жижа. И последний выдох вырывался из трясины жирным пузырьём. Хлоп — лопнул пузырь, всосало болото огромного зверя. Ещё одного не будет больше на свете, не будет уже никогда, не будет... И только его отчаяние, его боль растворится в болотной воде, прорастёт травой, скопится в тине. Тысячи, миллионы, миллиарды смертей. Бездна отчаяния. Вот потому-то воды болотные, болотные жители, цветы, деревья и травы тихи и печальны — они рождаются с памятью об этом отчаянии, смертной тоске и ужасе.

Так и живут.

Не один год надо прожить на болотах, чтобы хоть немного понять их. Прожить, краешком-краешком, шагком за шагком приближаясь к их тёмным недрам, всё

видеть, всё слышать, слушать и выслушивать, нюхать, трогать, запоминать. И чувствовать — как зверь, как ящерка, как гадючка, как чуткая холодная жаба на тряской болотной кочке... Не запомнишь, не поймёшь, не сделаешь верного шага, который подскажет тебе память тела, о котором просигналит тревожная душа, — пропадёшь, сгинешь. Затянет болото. Опасно оно, опасно. Очень опасно. Бо-ло-то-о-о-о...

Так куда же ты бредёшь, молодой-молодой человек с умным гаджетом в руке? Куда ведёт тебя спутниковый навигатор? Тебе туда надо?

Ты уверен?

Уверен?

Уверен?!

Оп!..

Оступился. Упал.

Вылез.

Повезло! Ну, иди дальше.

Иди.

Глава 1

НЕПРОЕЗЖАЯ ДОРОГА

Медленно, но неотвратно наползали сумерки. Хорошо ещё, что в этих краях они будут длинными-длинными: сядет солнце, небо начнёт потихоньку темнеть и поблёскивать звёздами, а косые лучи уже закатившегося за линию горизонта светила продолжат раскрашивать запад. Хоть и не очень хорошо, но всё-таки видно будет долго. Настанет ночь — не белая, но и не чёрная, как на юге, — только после двенадцати часов. А то и позже. Но уже ближе к четырём утра небо опять заиграет жёлто-розовым, выдавливая солнце из-за горизонта.

Такие тут края.

И сейчас вот близятся сумерки. Которые долгие. Ну, хорошо — значит, часа три точно имеется в запасе. Можно успеть.

Названия населённых пунктов в этой местности оказались почему-то сильно перепутаны. Встреченный на краю деревни абориген утверждал, что она называется

Краснобуровка, на бумажной карте эта точка значилась как Филактово, а GPS-навигатор привёл Никиту на Анафилактовы выселки. И это была всего лишь промежуточная точка маршрута! Если такая каша пойдёт и дальше, то он просто потеряется. Тупо потеряется. Заблудится. И всё...

Но если это действительно Анафилактовы выселки, значит, Никита движется в верном направлении. Три километра через лес — и должна быть деревня Всклень. По крайней мере, и в карте навигатора, и в бумажной карте Всклень была Вскленью. Но это если ничего не перепутать и не уйти на северо-запад. А если уйдёшь на этот северо-запад — то тогда вместо Всклени попадёшь на болото, которое тянулось на сотню километров.

А во Всклени у Никиты было важное дело.

Три километра по навигатору и карте, к тому же не дуроломом через лес, а всё-таки по соединяющей эти две деревни дороге, — это совсем недолго. Неопасно. Несложно. Да и вообще — всё «не». Неприкольно — вот ключевое слово во всей

этой незадачливой истории. Тупо идти — чтобы тупо сдаться.

Потому что Никитина команда тупо проигрывала. И время, и набранные очки — в недостаточном количестве набранные! — всё говорило об одном: «Тупо слились. Тупо проиграли. Уезжайте отсюда, тупые!»

Шанс был — маленький, практически нереальный, — но был. Нужно раньше команды соперников установить на самой высокой точке местности игровой флажок с символикой своей команды. Синий такой флажок с перекрещенными на нём молотком и линейкой.

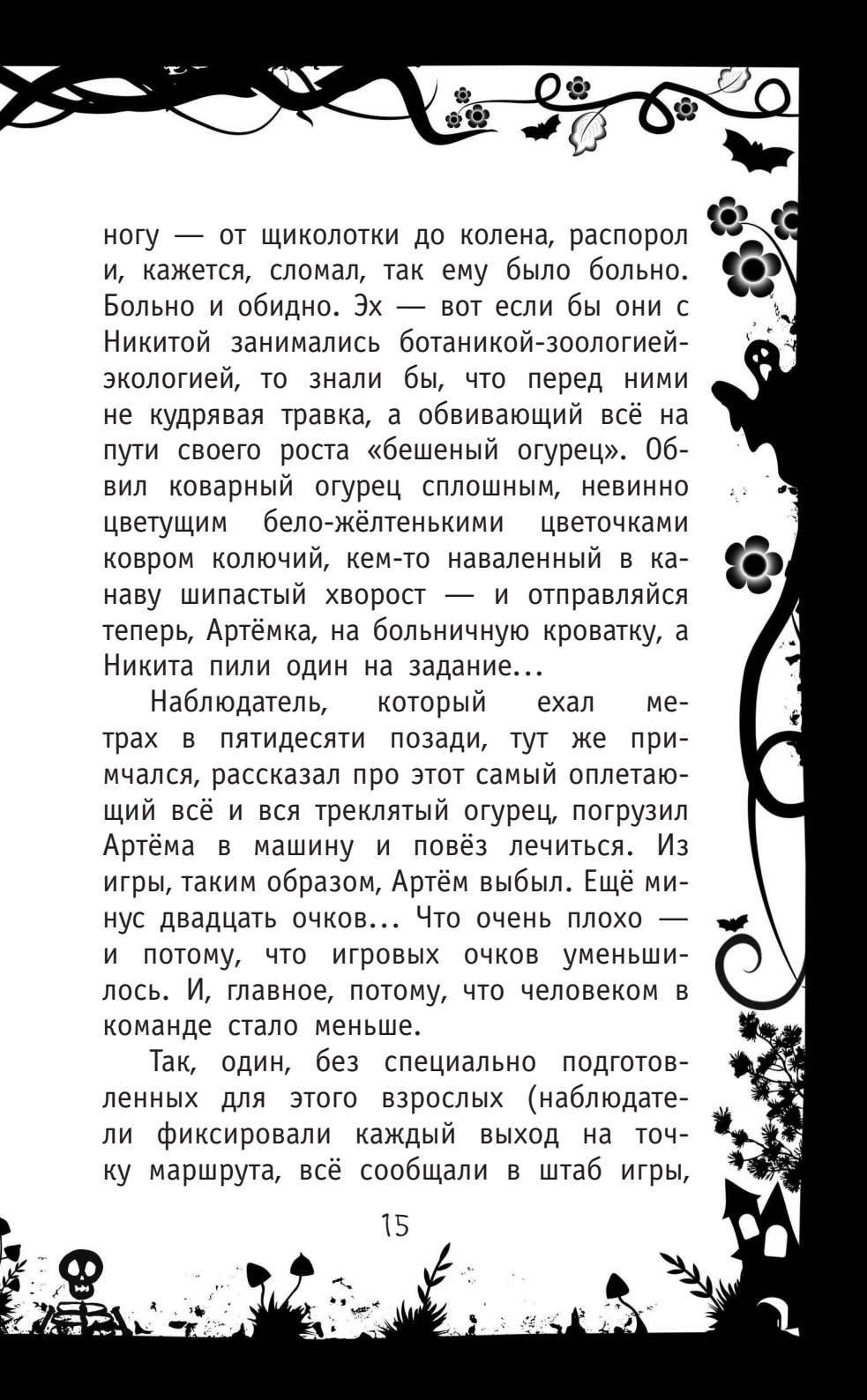
Но для него не хватало древка. Оно состояло всего из четырёх частей. И чтобы собрать это древко, все четыре части необходимо было отыскать на необъятных просторах этой пересечённой, трудной, очень трудной для жизни и передвижения местности. Команда Никиты — команда техников — отыскала пока только одну такую часть.

Их противники, юные экологи (на их зелёном флажке был изображён пятнистый дракон — и именно у этого дракона

был огромный шанс красоваться на флажке), насобирали по лесам и лугам целых три части. За каждую найденную составную часть дровца полагалось сто очков. За каждого выбывшего игрока — минус двадцать. У техников было на счету всего шестьдесят очков...

Очередной игрок выбыл полтора часа назад. Когда квадроцикл, на котором Никита мчал вместе с другим парнишкой, тоже отправленным на это задание, выехал на кривую просёлочную дорогу, произошёл казус. Увидев по навигатору, что дороги пересекаются, ребята решили сократить путь — им нужно было попасть на ту, которая вела вправо, и помчали по лугу. Возле дороги виднелась небольшая канавка, поросшая кудрявой травой с разлапистыми, как у винограда, листьями и мелкими белыми цветочками. С ходу её квадроцикл не взял — хотя обычно переезжал и куда более серьёзные препятствия. Ухнул передними колёсами и остался так лежать, гневно крутя задними. Чтобы вытолкнуть средство передвижения, Артём прыгнул в канавку. А под травой в этой канавке оказалась яма заваленная хворостом. Распорол Артёмчик

ногу — от щиколотки до колена, распорол и, кажется, сломал, так ему было больно. Больно и обидно. Эх — вот если бы они с Никитой занимались ботаникой-зоологией-экологией, то знали бы, что перед ними не кудрявая травка, а обвивающий всё на пути своего роста «бешеный огурец». Обвил коварный огурец сплошным, невинно цветущим бело-жёлтенькими цветочками ковром колючий, кем-то наваленный в канаву шипастый хворост — и отправляйся теперь, Артёмка, на больничную кровать, а Никита пили один на задание...

Наблюдатель, который ехал метрах в пятидесяти позади, тут же примчался, рассказал про этот самый оплетающий всё и вся треклятый огурец, погрузил Артёма в машину и повёз лечиться. Из игры, таким образом, Артём выбыл. Ещё минус двадцать очков... Что очень плохо — и потому, что игровых очков уменьшилось. И, главное, потому, что человеком в команде стало меньше.

Так, один, без специально подготовленных для этого взрослых (наблюдатели фиксировали каждый выход на точку маршрута, всё сообщали в штаб игры,